

Ненастным осенним днём заглянула в редакцию Людмила Викторовна Толкишевская. Геолог по профессии, она прожила очень интересную жизнь. Но еще более удивительной казалась ей жизнь близких, и, прежде всего, родителей, чья любовь согревала ее долгие-долгие годы. Память сохранила и семейные предания, и мельчайшие подробности событий, произошедших многие десятилетия назад.

Отцу, Виктору Георгиевичу Егорову, ветерану финской и Великой Отечественной войн и бывшему начальнику политотдела технического училища, и маме, Нине Васильевне Котельниковой-Егоровой, его верной спутнице, и была посвящена толстая рукопись, которую Людмила Викторовна принесла с собой.

Рукопись эта настолько необычна, что здесь каждый сюжет достоин киносценария. Но необычная судьба её героев самым участникам событий не казалась чем-то из ряда вон выходящим. И поистине героические поступки они совершали, даже не задумываясь об этом, не представляя, что можно поступить как-то иначе. «Я писала это для своих внуков, – говорит Людмила Викторовна. – Без знания истории народ как сухой лист – не знает, на каком дереве рос, куда несёт его ветер и в какое болото забросит... Мне очень не хочется, чтобы мои внуки были такими сухими листьями...».

Думается, что воспоминания эти будут интересны не только ее внукам, тем более что написаны они живым, экспрессивным языком.

Сценарист по имени Жизнь...

«Виктором назови...»

Дед мой, офицер Тифлисского артиллерийского полка, был в конце 1916 года тяжело ранен и попал в плен. Но могучее казачье здоровье помогло ему выжить, и в начале 1918 года дед бежал из плена. Однако через месяц после побега он окончательно обессилел, и чуть не дойдя до белорусского городка Пружаны, свалился около дороги. Умиравшего, его подобрал хуторянин-пасечник. Деду, можно сказать, повезло. Хутор пасечника был сытным, люди на нём очень добрыми, а мать хозяйна оказалась знахаркой-травницей. И месяца через три дед поправился настолько, что стал помогать хозяйну в нелегкой сельской работе. Но до родной Астрахани было ещё далеко, а, главное, вовсе бушевала гражданская война, вокруг свирепствовали банды, и тронуться в дорогу дед, как ни рвался, не мог.

В начале ноября 1918 года дед с хозяином повезли в Пружаны на продажу мёд и воск. Но, чуть не доехав до городка, они по шуму и выстрелам поняли, что на Пружаны напала очередная банда, и спрятались рядом с дорогой в болотных камышах. Через какое-то время мимо промчались тачанки бандитов, и дед с хозяином выехали в городок. Подъезжая к церкви, они увидели, что на обочине дороги лежит тело женщины. Убитая была очень красивой и совсем юной. «Девочка», – с великой жалостью вспоминал мой дед. Богатое шелковое платье разметалось по осенней грязи, и лужица крови ещё наткала из обруленной кисти правой руки... Дед вспоминал, что у него отнялся язык и подкосились ноги. Такого он не видел и на войне. В себя он пришёл от крика пасечника, который держал в руках бархатную шубку убитой. В шубке что-то слабо пищало. Это «что-то» оказалось крошечным ребёнком...

Мужчины отнесли тело убитой в дом священника. Около батюшки хлопотала жена, всё его лицо было окровавлено. «Савенковцы», – только и мог выговорить священник разбитым ртом. Отчаянно рыдала матушка, глядя на убитую и ребёнка, рассказывала, что летом богатый польский офицер привёз в тихий угол к родителям свою молодую жену рожать. И вот, судя по всему, всех их убили бандиты. Мальш оказался мальчиком, с ещё не отпавшей пуповиной. Его спешно вновь завернули в материнскую шуб-

ку, потом в тулуп. Дед прижал его к себе, и хозяин всю погнал лошадей.

На хуторе спешно набили шерстью долблёное корыто и в холщовых пелёнках положили туда ребёнка. Бог знает, как выкормили малыша, но знахарка неустанно хлопотала около него, дед проводил рядом с мальчиком ночи, и к весне малыш уже сидел.

Минул год, как дед жил на лесном хуторе. Он решил идти дальше, домой. Как-то вечером он попросил хозяев отдать ему ребёнка. Дед решил, что у него будет два сына, ещё не зная, что его собственный сын, не прожив и трёх лет, умер от дифтерита...

Видя, что «пана Георгия» ни от чего не отговорить, пасечник молча куда-то уехал, а под вечер, воротясь, выгрузил из брички и на руках внёс в дом старшего монаха. «От старости лет, – вспоминал потом дед, – старец был словно сухой лист. Да и говорил, словно шелестел». И вот, перекрестившись на иконы в углу, монах прошелестел деду: «Иди, иди до дома своего с младенцем, посланным тебе Господом. Ибо твоего, кровного, он забрал. Крепись».

Дед заплакал и встал перед старцем на колени. Монах благословил его и уж совсем непонятно сказал что-то про «золотую нить спасения», которую этот мальчик протянет в жизни. «Виктором назови», – строго добавил он. И вот, набили огромный вещмешок едой, и отвезли со слезами и молитвами деда с малышом на ближайшую станцию.

Добрался дед по тем страшным временам до Астрахани удивительно благополучно. «Как за руку вели», – вспоминал он потом. Увидев мужа, бабушка упала без сознания. Потом дед узнал, что их маленький Мишенька умер 6 ноября, а 8-го он нашел Витеньку. Бабушка любила сына, посланного ей Богом, нежно и самоотверженно. Этот мальчик стал моим отцом.

Дальше жизнь семьи деда, да и его собственная, складывалась на удивление благополучно. На удивление, потому что деда, дворянина и офицера, все репрессии и преследования каким-то образом обходили стороной. Более того, и деда, и бабушку премировали какими-то вещами и путёвками в санатории, а сын их стал лучшим учеником в своей школе. Оба – и дед, и бабушка – работали на рыбообрабатывающем заводе.

Финская война

Мой отец, как и все его сверстники 30-х годов, «заразился» авиацией. После окончания школы он поехал поступать в Качинское лётное училище. Но вот здесь-то его анкета и подвела, вернее – графа «происхождение». Его даже не допустили до экзаменов. Впрочем, доброжелательно посоветовав особенно не высывываться и, лучше всего, поступить в какой-нибудь сельскохозяйственный техникум. Но мой молодой отец совету не внял, а сразу же поехал в Вольск, где поступил в техническое училище. После успешного окончания его получил назначение на службу в авиационный полк в город Пушкин (Царское Село) и оттуда почти сразу же попал на финскую войну. Впрочем, в Пушкине он успел жениться на моей матери и, уходя воевать, сказал ей: «Пока воюю, ты думай, как детей называть будем».

Теперь известно, какой жестокой и кровопролитной оказалась та короткая война. Но отец вернулся. Вернулся, правда, посевшим в 22 года, с отмоороженными ушами («Ну совершенно висели как тряпочки!» – вспоминала мама), но зато с редкой по тем временам наградой – медалью «За отвагу».

Получил же ее отец за спасение летчика, который посадил вышедший из строя самолет на лед озера во вражеском тылу. Кругом в лесу были знаменитые финские снайперы-«кукушки». Отец надел на голову вязанную финскую шапочку, повесил за спину большую крестьянскую корзину, куда сложил инструменты, и, встав на лыжи, (вот где пригодилась его любовь к лыжам!) побежал к озеру. Мороз стоял под 40 градусов. Железо липло к рукам и отдиралось вместе с кожей. Помогая отцу, летчик говорил: «Ты, браток, работай, не бойся. У меня вся обойма цела, так что два всегда наши».

Виктор и спасенный им летчик. 1940 год

Отец починил самолет, и они взлетели, когда на берегу показалась цепочка финских лыжников. Называли их по-фински – «лахтари». В переводе – «мясники». И было за что!

А в семью вместе с радостью пришло горе. Узнав, что сын вернулся живой, да еще с наградой, дед сказал: «Слава Богу!», положил голову на стол и умер. А, может быть, и хорошо, что не дожил он до большой и страшной войны, которая вскоре нагрянула.

Немецкий солдат Генрих

Полк отца сразу улетел на фронт, а мама со мной (мне было тогда восемь месяцев) эвакуировалась сначала к своей матери на Кубань. Никто ведь тогда не предполагал, что немцы дойдут до Волги! А летом 1942 года она, уже вторично, бежала со мной к свекрови, в Астрахань. На станции Тихорецк поезд наш попал под бомбежку. Выскакивая из вагонов, люди видели в небе купола парашютов. Для захвата

Летный и технический состав 29-ой эскадрильи под Сталинградом. 1942 год

узловой станции немцы высадили десант. На улицах слышна была стрельба. Мама выхватила из чемодана полотенце и, бросив чемодан в кювет, привязала меня к себе – ей почему-то показалось, что так мне будет безопаснее. Закрыв мне голову своими руками, она бежала подальше от выстрелов. Но уже в пристанционном сквере ей в спину уперлось дуло автомата. Оглянувшись, мама увидела рыжего, громадного роста, немецкого солдата. Какое-то мгновение немец смотрел на нас. Потом вдруг схватил маму за руку, потащил куда-то. Парализованная страхом, мама и не сопротивлялась. Несколько раз, когда выстрелы звучали совсем рядом, немец толкал маму на землю и закрывал ее своим телом. Оказавшись вновь на станции, он, как-то быстро осмотревшись, затолкал нас под ступеньки крыльца и, упав на землю, на ломанном, но вполне понятном русском сказал маме: «Нас убьют. (Так и сказал). Поезда еще пойдут. Приедешь в Сталинград, сразу же беги дальше. Там будет большой бой, большая смерть. Юг, север – беги!». Потом он вдруг погладил меня по голове и, прокричав «Гитлер капут!», поднялся и побежал к кустам. Мама, придя немного в себя и вспомнив школьный немецкий, вслед: «Как твое имя?». «Генрих!» – ответил он, не оборачиваясь.

Всю жизнь моя, что называется «в рот не берущая», мама один раз в году на 9 Мая покупала бутылку хорошего вина. И ставила на стол три налитых бокала: погибшим отцу, брату и немецкому солдату Генриху.

Случилось все так, как сказал солдат. Наши выбили десант, и поезда шли через Тихорецк еще сутки. Мама добралась до Сталинграда и еще на трамвае досехала со мной до пристани, где солдаты на руках передавали детей на пароходы. Уплывая вниз по Волге, люди видели тучи фашистских самолетов, летящих бомбить город...

Айна

Всё-таки удивительно, какой неожиданной мелочи бывает достаточно, чтобы в нас проснулись и заговорили воспоминания. Вот и сегодня: осенний луч солнца упал на угол старого гобелена, и вытканный много десятилетий тому назад клён вдруг ожил, и листва его вспыхнула золотом не потускневших красок. И этого оказалось достаточно, чтобы клубок из обрывков детских воспоминаний и семейных рассказов стал разматываться, а память начала ткать горькую и прекрасную, как этот старый чудный гобелен, историю об ушедших близких... Близких, которые были людьми, как я их про

себя называю, людьми милосердия.

А начиналась эта история так. Тёплым золотым осенним днём 1939 года моя бабушка, тогда ещё сорокапятiletняя женщина, поднимаясь по высокой деревянной лестнице поселкового магазина, увидела в его дверях две странно застывшие, словно окаменевшие, фигуры. Это была молодая, красивая пара калмыков – высокий, сильный мужчина и хрупкая, словно девочка, женщина. Но на их бронзовых лицах не было выражения спокойного достоинства, так свойственного этому народу. Лица их были серыми и искажёнными от ужаса, и женщина, словно сдерживая крик, прижала к губам свой маленький кулачок.

Бабушка, удивлённо проследив за их взглядом, сама на секунду замерла от ужаса. На скамье веранды лежал спеленутый младенец. Но он почти не был виден из-за огромной, свернувшейся в серебристый клубок змеи, которая лежала на ребёнке. Шаги бабушки, видимо, испугнули змею, и она, высоко подняв ужасную острую голову над детским личиком, уставилась на людей пустыми стеклянными глазами. И было видно, как в огромной пасти метался, ошупывая воздух, её раздвоенный язык.

В следующую же секунду с бабушкой произошло нечто странное, что иначе как чудом назвать невозможно. Она вдруг перестала чувствовать своё ставшее невесомым тело. От него, показалось ей, остались одни руки, которые стали странно тяжёлыми, словно железными, и неудержимо потянули женщину вперёд. В каком-то нерсальном невесомом полёте-прыжке бабушка перелетела через веранду, и

этими чужими, железными руками, словно клещами, сжала тело змеи у основания головы. Раздался хруст! Но бабушка ещё несколько раз с непонятной ей самой силой ударила огромное змеиное тело о столб веранды и сбросила его вниз. Змея дёрнулась на траве и затихла. Это была змея-убийца гюрза. Но для всех так и осталось загадкой, как гроза песков гюрза попала в водяной край Астраханского заповедника. А тогда бабушка пришла в себя от того, что муж и жена, стоя перед ней на коленях, целовали её отвратительно пахнущие змеёй руки.

Весной с парохода сошли два пожилых могучих калмыка и поставили перед бабушкой носилки. На носилках лежал стреноженный, завернутый в покрывало, маленький и белый как снег верблюжонок. Верблюжонок, а вернее, верблюдица была дивно хороша – белоснежная шелковистая шерсть, гордо посаженная голова на изогнутой шее. Но особенно поражали глаза животного. Огромные, цвета сливы, с черными веерами – ресницами, умно и печально смотрели они на окружающий мир. Бабушка была потрясена сверх меры. И дело было даже не в огромной денежной цене такого подарка. Бабушке оказывали самую высокую честь, какую только можно было оказать женщине. Ведь на белом войлоке мог сидеть только хан, и только ханша могла опуститься на спину белого верблюда. Но отказаться от подарка было невозможно, и бабушка с почетом приняла стариков. А потом, после долгого чаепития, вынесла им шкатулку зеленого сафьяна. В шкатулке лежали тяжелые золотые серьги-подвески. Украшенные крупными

изумрудами и жемчугом подвески работы индийских мастеров были привезены дедом из поездок в Иран в подарок своей шестнадцатилетней невесте. Поцеловав богатые украшения, которые дороги были ей как память о покойном муже, бабушка с поклоном передала их в подарок спасенной девочке. Отдарилась по обычаю.

Белую верблюдицу так и называли – Айной, то есть «беленькой». Айна стала гордостью и радостью детей рыбацких поселков. А еще на бабушкино крыльцо пришла из камышей дикая кошка. Пришла и окотилась двумя котятками. Дикарку устроили в застеленном долбленном корыте, но как только у котят открылись глаза, кошка перенесла их в амбар, где жила Айна, и положила под бок верблюдице. Кошки были точной копией своей матери. Длинное пятнистое туловище на высоких лапах, треугольная мордочка, большие треугольные уши и два огромных треугольных глаза-изумруда. Кошек называли Шныра и Шара. Ночами ходили они на охоту, а, возвратившись, клали перед Айной подарок: мышонка или лягушку. С умилением смотрели люди на дружбу животных. Кошки нежно мурлыкали, глядя в глаза верблюдице, и тихим пофыркиванием отвечала она им.

Бабушка, что называется, холила и лелеяла Аину. И даже начавшаяся страшная война, почти сразу ввергшая людей, живших в дельте Волги, в полуголодное существование, не отразилась на ее жизни. Всегда были запасы любимые верблюдицей колечки, к ним добавляли рыбную муку и кожуру тыкв, выращенных на засыпанных амбарной землей крышах.

Цена спасения

Летом 1942 года в эвакуацию к свекрови приехала со мной мама. И, несмотря на молодость, благодаря своему партбилету и полному «обезмужичиванию» рыбацких поселков, стала председателем объединенного сельсовета. Практически это значило, что мама, в полном смысле этого слова, отвечала перед властью за жизнь более двух тысяч людей: детей, стариков, женщин. На всю жизнь вынесла мама из того времени святое отношение к хлебу. А тогда для охраны хлебных карточек и хлеба, получаемого по ним, маме выдали пистолет Макарова, с которым она не расставалась до конца войны. Платок, опущенный мне, пистолет на полущубке и постукивание деревянных счетов – таковы мои первые воспоминания о маме. И когда я слышу сейчас по радио «...война гуляет по России, а мы такие молодые...» – тяжелый слезный

Семья Людмилы Егоровой (Толкишевской). 1948 год

Семья Тимсов, спасенная Ниной. 1950 г.

комок встает у меня в горле.

Ранней весной 1943 года рядом с нашим поселком случилось несчастье. По дороге в Астрахань под вешний лед ушли три машины, на которых везли в эвакуацию группу евреев, чудом спасенных белорусскими партизанами. Всем людям, опять же чудом, удалось спастись, но они вот уже двое суток сидели в сарае для сушки рыбы, ожидая, что за ними приедут. Такие огромные сараи у рыбаков называются «вешалами». Они строятся так, чтобы их насквозь продувал ветер. Когда в поселке узнали об этом, то на санях выехали к вешалам. Картина открылась ужасающая. На мерзлой земле, скорчившись и прижимаясь друг к другу, лежали люди. Женщины сначала хотели разобрать людей по домам. Но погибавшие боялись расстаться. И тогда мама решила разместить эвакуируемых в детском саду. Там были запасы камыша для отопления, постели, а главное, кое-какие продуктовые запасы для детей. Детей решено было держать пока в доме. Так на руках у мамы оказались без карточек 52 измученных, изможденных человека. Вокруг них хлопотали поселковые фельдшерицы и все свободное население поселка. Варили бульон из вяленой осетрины, положив в котел вместо соли узелок с золой, поили ягодными отварами. Но было ясно, что очень скоро кормить их будет нечем.

Необходимо было продержаться до начала навигации, когда за попавшими в беду людьми сможет прийти парход из города. А весна, как нарочно, затягивалась. На Волге все стоял и стоял плотный, колотый в крошку лед – шуга. И вот, придя вечером с работы, мама упала головой на стол и тихо заплакала. В садике кончалась последняя мука. Просыпаясь, я слышала, как всю ночь шептались бабушка и мама.

Но еще два дня женщины собирали по домам то, что с натяжкой можно было назвать продуктами. Люди ломали пополам последний скудный кусок. А утром третьего дня к нам в дом пришел однорукий дед Федор с мешком, в котором позвякивали какие-то железки. Мама и бабушка с побледневшими лицами сидели на сундуке в прихожей. Даже я чувствовала тяжесть стоявшей в доме тишины. Но вот бабушка встала, прошла в комнату и упала на колени перед иконостасом. И тогда мама, еще больше побледнев, как была раздетая, вышла во двор и пошла по дорожке ведущей к амбару, где жила Айна. Дед Федор догнал ее и набросил ей на плечи тяжелую клетчатую шаль.

Вернувшись в дом, он единственной рукой крепко прижал меня в себе, я чувствовала, как дрожала эта рука. А потом тишину разорвал выстрел, и буквально следом прозвучал мамин крик. Вернее, вопль ужаса и боли. Выбежавшие на крыльцо взрослые увидели страшную картину. По дорожке от амбара, спотыкаясь, бежала мама, залитыми кровью руками пытаюсь натянуть на лицо шаль. Одна из двух кошек, сидя у нее на спине, острыми как бритва когтями рвала маме руки и спину так, что окровавленные клочья сукна летели в стороны. Вторая же, прыгнув маме на голову, старалась дотянуться до ее глаз. Спасая глаза, мама упала вниз лицом, и только железной рыбацкой пешней сумел дед отогнать обезумевших от ярости кошек, мстящих за верблюдицу. Почти год по вечерам жутко и тоскливо выли в камышах кошки, так и не простившие людей. Маму внесли в дом, и бабушка, плача, стала промывать и мазать рыбьим жиром ее израненные руки и спину. Дед, взяв мешок, ушел в амбар...

Люди были спасены. Им сказали, что удалось выменять на рыбу четырех баранов. А наутро следующего дня бабушка снова заплакала, увидев в роскошных маминых волосах широкую ленту седины... «Как она на меня смотрела! Какие у нее были глаза!» – тихо, словно оправдываясь, сказала мама. «А у людей там, в садике, какие глаза?» – каким-то жестким, незнакомым мне голосом спросила бабушка. Мама молчала.

Позже она вспоминала о многом. Об этой истории – никогда. К тому времени, когда мама на восьмом десятке лет совсем поседела, та ранняя прядь ее воснной седины приобрела яркий зеленый оттенок и выглядела как лента, вплетенная в чудное серебро волос.

(продолжение следует)

Из почты “Мономах”

«Моя первая встреча с журналом «Мономах» произошла в 1997 году. С тех пор мне очень дорог этот журнал, много в нем нахожу для себя интересного и познавательного, с нетерпением жду выхода каждого номера.

24 декабря на вечер, посвященном десятилетнему юбилею журнала, мне очень хотелось познакомиться с Элеонорой Денисовой. В «Мономахе» №2-2004 были напечатаны ее воспоминания «Дом под горой», где она упоминала Аиду Макарову.

С 1952 по 1954 годы в Ульяновске я жила на квартире в переулке Красных партизан (недалеко от главпочтамта) у Макаровых. Мне было 15 лет, когда я только приехала в город из села. Годы моей учебы в фармацевтической школе прошли в семье Макаровых, которые окружили меня заботой и вниманием. У них была дочь Аида (она тогда училась в Московском пединституте), и сын Владимир.

Александра Сергеевна Макарова преподавала математику в школе, а ее муж Абрам работал в пединституте, писал стихи. По тем временам у них была большая библиотека, и мне разрешали пользоваться той литературой, которая была необходима для занятий.

Макаровы были сердечными, добрыми людьми. Вечерами Александра Сергеевна и ее муж устраивали игры, чаще всего – прятки. Завязывали глаза Абраму, а мы прятались. Сколько было шума, смеха... Володе шесть лет, а нам по пятнадцать, но все мы резвились, забывая о своем возрасте.

После окончания фармацевтической школы я была направлена на работу в распоряжение Курганского аптекоуправления. Доработав до отпуска, в 1955 году приехала в Ульяновск и зашла к Макаровым. Они встретили меня сердечно, но вскоре я уехала к маме и сестричкам в село, а после окончания отпуска – снова в Курганскую область.

В 1974 году, когда я переехала в Новоульяновск, мне очень захотелось вновь встретиться с Макаровыми. Переулок Красных партизан уже не было, и я написала в адресное бюро Ульяновска, откуда мне ответили, что такие в городе не проживают...

И вот, когда я прочитала «Дом под горой», у меня появилась надежда найти Аиду Макарову. На вечер я сказала Элеоноре Ильиничне, что знала эту семью. Оказалось, что Аида сидела рядом, недалеко от нее. Так почти через 50 лет встретила я дочь Макаровых. Вот каким действительно торжественным и радостным оказался день 24 декабря!»

Валентина Тихонова, январь 2005